

Проф. А. Ранович

КОЛОНАТ В РИМСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ II—V вв.*

Источники по изучению возникновения и развития колоната в Римской империи можно разделить в основном на три группы: 1) памятники римского законодательства — Дигесты, Институции Гая, Кодексы Феодосия и Юстиниана и новеллы к ним, Институции Юстиниана; 2) *Scriptores rerum rusticarum* (Катон, Варрон, Колумелла) и так наз. *gromatici*; 3) эпиграфические памятники, вапирусы и остраки. Последняя группа источников стала разрабатываться лишь с конца XIX в. и касается главным образом Египта и Африки, отчасти Малой Азии. *Scriptores rerum rusticarum* и *gromatici* дают кое-какой материал лишь для конца республики и первого века империи. Естественно поэтому, что долгое время почти единственным источником при изучении колоната было римское законодательство, которое и сейчас еще по количеству прямых свидетельств о колонате занимает первое место.

В буржуазной историографии колонат изучался главным образом со стороны его юридической природы. Такой юридический подход к проблеме, конечно, бесплоден. Буржуазные юристы подходят к праву лишь с точки зрения его внутренней логики даже в тех случаях, когда исторический характер тех или иных юридических норм совершенно очевиден. Правовые нормы они рассматривают как некие вечные категории, которые постепенно раскрывают то свое содержание, которое в них заключено заранее. Поэтому буржуазные юристы искали источников колоната в тех или иных юридических институтах, а это неизбежно должно было привести, в лучшем случае, к агностическим выводам.

Сами по себе юридические памятники, как и другие наши источники, не могут дать удовлетворительного разрешения проблемы колоната, если рассматривать ее изолированно от движения античной формации в целом. Прямые и косвенные данные наших источников могут приобрести ценность и получить значение однозначных свидетельств лишь в свете тех обобщений, какие получаются в результате изучения всех источников по истории падения античного мира.

* Настоящая работа была написана покойным профессором Рановичем еще до Великой Отечественной войны, но осталась неопубликованной по причинам, не известным редакции ВДИ. За истекшие годы работа несколько отстала, особенно в отношении историографии. Тем не менее редакция ВДИ сочла нужным ее опубликовать как ввиду большой важности затронутой проблемы, так и ввиду отсутствия в нашей литературе специальных работ на эту тему. Текст статьи печатается без изменений, за исключением ссылок на произведения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которые даются по последним изданным.

Но само собой разумеется, что прямые свидетельства о колонате, содержащиеся в юридических памятниках, должны быть изучены в первую очередь, притом как источники исторические. Необходимо установить, что можно из них извлечь, если не для решения, то для правильной постановки вопроса.

Памятники римского законодательства содержат многочисленные сведения о правовом положении колонов, но почти совершенно ничего не говорят о колонате как институте. Помимо того, данные юридических источников в значительной степени обесцениваются и их использование затрудняется рядом свойственных им недостатков.

Во-первых, данные юридических памятников о колонате имеют случайный характер. Колоны упоминаются мимоходом, мы имеем как бы разрозненные фрагменты, которые нельзя соединить в одно стройное законодательство. Еще более досадными являются хронологические провалы в дошедших до нас памятниках. Так, первым законодательным актом, фиксирующим зависимое положение колонов, является указ императора Константина *ad provinciales* от 30 октября 332 г. (СTh, V, 17,1): «у кого будет обнаружен чужой (*iuris alieni*) колон, тот не только должен вернуть его по месту происхождения, но сверх того должен принять на себя уплату (за него) подати за (истекшее) время. А самих колонов, замысляющих бегство, можно будет заковать в железо, как рабов, чтоб заставить по заслугам выполнять на положении рабов те обязанности, которые подобают свободным». Этот законодательный акт мы и прочим (в основном он имеет в виду порядок взыскания подати с беглого колона) устанавливает, как нечто уже известное, факт полного закрепощения колонов. Между тем указ Константина не имеет прецедентов в предшествующем законодательстве и является неожиданностью: в Дигестах взаимоотношения между колоном и землевладельцем рассматриваются лишь с точки зрения договора найма *locatio-conductio*¹. Такого рода разрывы в кодексах имеются по всем рубрикам.

Вторая особенность юридических памятников, затрудняющая выведение общих заключений, состоит в том, что императорские указы обычно имеют частный характер — касаются той или иной провинции, того или иного управления или даже обращены к частному лицу, являясь резолюцией по его жалобе или прошению. При этом неизвестно, имеем ли мы в данном случае дело с новым законоположением или с применением уже действующих норм. Такой случай, как *Ci*, XI, 51 [50], где прямо сказано, что цель декрета — распространить на Палестину норму, действующую во всех прочих провинциях, представляет исключение. Эта трудность имеет, впрочем, и хорошую оборотную сторону: частные определения императоров вводят нас в конкретную обстановку, в которой надобность в указе появилась.

В-третьих, Дигесты, содержащие наиболее древние юридические материалы о колонах, очень редко датируют те законоположения, на основе которых ученые юристы строят свои теории и нормы. Мало того, пытаясь создать единую теорию права, они подают все используемые ими юридические материалы разной древности как бы в одной плоскости, сочетая вместе нормы права, возникшие в различные эпохи и в различных усло-

¹ Совершенно не относится сюда ссылка некоторых ученых на *Dig.*, XLIII, 29, 2 («немногим отличаются от рабов те, которым не предоставлена свобода передвижения»): здесь, во-первых, колоны не упоминаются, во-вторых, из контекста ясно, что цитируемый здесь Ветулей говорит лишь теоретически о том, что свобода передвижения принадлежит к числу основных прав свободного гражданина и против нарушения этого права установлен интердикт (см. § 1).

виях, затушевывая их исторический характер, приспособляя их к политическим тенденциям своего времени.

Конкретность сведений о колонате, какие можно почерпнуть в Дигестах, и их значение для историка уходят и вследствие казуистического метода рассуждения древних юристов. Сплошь и рядом Дигесты разъясняют закон не в применении к реальным отношениям практической жизни, а путем разбора гипотетических случаев, что сводит их рассуждения к схоластическим упражнениям, лишенным реального содержания.

Наконец, самые тексты законов часто формулируются очень неясно и туманно. Если в наше время законодательство стремится давать возможно более точные и ясные формулировки, то римские чиновники и юристы, составлявшие текст закона или декрета, заботились не столько о ясности изложения, сколько об ораторском совершенстве стиля в духе того времени. Поэтому законы и декреты обычно излагаются витиеватым языком, построенным синтаксически чрезвычайно сложно, и отраженная в законе мысль часто приносится в жертву требованиям ораторского стиля эпохи упадка.

При изучении юридических памятников о колонате бросается в глаза крайняя пестрота терминов, которыми обозначаются колонны. В кодексах встречаются следующие термины: *coloni*, *inquilini*, *adscripticii*, *censiti*, *originarii* (*originales*), *tributarii*, *homologi*, *plebs* (*plebs rustica*). Кроме того, упоминаются — скорее в качестве эпитета — *glabae adscripti*, *servi terrae*. Определения этих терминов нигде нет, не указаны и различия между ними. Между тем ясно, что появление все новых терминов наряду с первоначальным и основным — *colonus* — вызвано было изменением содержания понятия «колон»; а колебания в терминологии, вплоть до параллельного употребления в одном и том же документе нескольких терминов, свидетельствуют об изменениях в экономическом, политическом и правовом положении колоннов. Поэтому анализ этих терминов очень важен для понимания происхождения и развития колоната.

Наиболее устойчивым обозначением земледельца, работающего на чужой земле, является термин *colonus*, означавший первоначально вообще мелкого земледельца, лично работающего на земле. В Дигестах *colonus* означает земельного арендатора, вполне свободного, вступающего в договорные отношения с землевладельцами как равноправная сторона на основе юридических норм *locatio-conductio*. В позднейших текстах, в кодексах, *colonus* означает уже непременно зависимого земледельца. Но во всех источниках колон лично свободен. В декрете Гонория и Феодосия от 12 апреля 409 г. о поселении покоренного племени скифов мы читаем (CTh, V, 6, 3): «Мы даем всем возможность заселить собственные земли людьми из указанного племени. При этом все должны иметь в виду, что взятые ими (работники) будут у них не иначе, как на началах колоната (*iure colonatus*)... А хозяева тех земель пусть пользуются их трудом, как трудом свободных... и никому пусть не будет дозволено обратить их... в рабство». Совершенно ясно, что даже еще в V в. «колонат» (здесь это слово встречается впервые) означает состояние лично свободного, хотя и прикрепленного к своему участку земледельца, которого законодательство отличает от раба. Таким образом, если приведенный выше указ Константина от 332 г. мог еще дать повод Родбертусу утверждать, что там под колонами надо понимать перешедших на оброк рабов, посаженных господином на определенном участке, то декрет Гонория и Феодосия не оставляет сомнений, что колон — не раб. Но он и не свободен и, будучи *ingenuus*, по своему положению фактически мало чем отличается от раба.

С точки зрения авторов Дигест положение колоннов обуславливается

договором — письменным или устным. Конечно, эта точка зрения может быть признана правильной лишь с оговорками. Необходимо учесть, что некоторые законоположения, на которые ссылаются юристы, относятся еще к республиканскому периоду и вряд ли оставались в силе в II—III вв. Кроме того, авторы Дигест строят свои рассуждения на абстрактных юридических догмах, игнорируя фактически складывающиеся правовые отношения. В частности, известно, что авторы Дигест не принимают во внимание частные, не регламентированные законом взаимоотношения между владельцами имений, особенно крупных доменов, с арендаторами. Однако при известной схоластичности и политической тенденциозности рассуждений Дигест предлагаемые ими нормы, надо полагать, не расходились существенно, во всяком случае, с судебной практикой.

В Дигестах колон — контрагент, вполне равноправный владельцу имения. «Если ты завещал колону пожизненное пользование (узурфрукт) имением, он может виндцировать узурфрукт судом и предъявить твоим наследникам иск *ex conducto*, и он добьется того, что не будет вносить арендной платы и получит обратно затраты, произведенные им на (улучшение) культуры» (Dig., VII, 1, 34, 1 — Юлиан). Колону предоставляется иск *ex conducto* по различным поводам — если владелец имения не захотел или не сумел предоставить колону сданный участок или часть его, если хозяин не произвел нужного ремонта виллы или хлева для скота и пр. Если колона постиг неурожай вследствие стихийного бедствия, он вправе претендовать на скидку с арендной платы. В одном случае (Dig., XIX, 2, 15, 1—7 — Ульпиан) колон ходатайствует перед императором о скидке ввиду вырождения снятого им виноградника. Если хозяин отказывается предоставить колону обусловленную договором землю, он обязан возместить не только понесенные колоном расходы, но и предполагаемый барыш его (Dig., XIX, 2, 23 — Африкан). «Если колон сверх договора рассадил виноград и в результате стали сдавать поле на 10 *augei* в год дороже... колон либо получает свои издержки, либо он не платит повышенной аренды» (Dig., XIX, 2, 61 pr. — Сцевола). Юлиан сообщает даже, ссылаясь, правда, на старого юриста Кассия, что если умерло лицо, сдавшее в аренду имение, то колона нельзя заставить работать на наследника; но если колон хочет остаться на своем участке, а наследник не согласен, колон может предъявить к нему иск (Dig., XIX, 2, 32). И еще в 259 г. императоры Валериан и Галлиен по жалобе некоей Евфросинии разьясняют: «Если локатор выгнал тебя из имения, ты можешь предъявить иск *ex conducto* и можешь взыскать и удержать штраф, который согласно уговору надлежит внести за нарушение соглашения» (CI, IV, 65, § 15; ср. § 16). Следы такого рода взаимоотношений между землевладельцем и колоном сохранились и в позднейшем законодательстве. Указ императора Константина гласит: «Если хозяин требует от колона больше обычного и больше, чем с него взыскивалось в прежние времена, пусть (колон) обратится к ближайшему судье и докажет это деяние, с тем чтобы упомянутому в том, что он требует больше, чем обычно получал, запрещено было впредь так поступать; а предварительно он должен вернуть то, что взыскал лишнего в результате перебора (*superexactio*)» (CI, XI, 50 [49], 1). Надо, впрочем, иметь в виду, что указ Константина, адресованный викарию Азии, предлагал в данном случае считаться с местным обычаем.

Согласно юрисконсультам Дигест колон может сдать арендованное поле в субаренду (XIX, 2, 24, 1; XLIII, 16, 20; XLI, 2, 30, 6); колон имеет рабов (IX, 2, 27, 9; 11 — Ульп.), покупает инвентарь. Даже еще в IV в. колонны могли иметь, кроме арендованной, также собственную землю (CI, XI, 48 [47], 4 — указ Валентиниана и Валента 366 г.). Договор аренды

заклучался на срок (обычно *lustrum* — 5 лет) и при молчаливом согласии сторон автоматически продолжался на прежних условиях (*Dig.*, XII, 1, 4. 1 — Ульп.; XIX, 2, 13, 11 — Ульп.; XLVII, 2, 68, 5 — Цельс; CI, IV, 65, 16, 260 г.). Колон, согласно Дигестам, во всех отношениях — *sui iuris*. В Институциях Гая I, 48—49, все лица (*personae*) делятся на полноправных (*sui iuris*) и подчиненных чужому праву (*alieno iuri subiectos*); последние могут быть трех категорий: *in potestate* (под властью отца), *in manu* (под властью мужа), *in mancipio* (в рабской зависимости). Колонны как категория лиц *iuris alieni* Гаю неизвестны.

Однако уже в Дигестах мы встречаем юридические нормы, свидетельствующие о приниженном положении колонов. Право собственности колона распространяется (как увидим ниже, — с значительными ограничениями) только на собранный урожай. Что касается арендуемого колонном участка, то на него колон права владения не имеет. Дигесты многократно повторяют, что колон лишь посредник, через которого осуществляет свое право владения хозяин (XLI, 2, 3, 8; 12; 25, 1, 30, 6; 44, 2; 3, 31, 3; 33, 1; XLIII, 16, 1, 22; 26, 6, 2). Поэтому Ульпиан, указывая, что при насильственном выселении потерпевший может использовать преторский интердикт *unde vi* независимо от того, владел ли он *civiliter* или *naturaliter*, считает, что колон этим интердиктом воспользоваться не может (XLIII, 16, 1, 10). Даже сервитут, которым пользуется колон, есть сервитут хозяина (XLIII, 19, 1, 7).

Если Дигесты устанавливают как бы равноправие между колоном и его хозяином, то лишь поскольку речь идет о фетише абстрактных отношений *locatio-conductio*; когда дело доходит до реальных политических и гражданских прав, юристы всецело на стороне землевладельца. Все права принадлежат хозяину, вся ответственность лежит на колоне. Колон отвечает своим имуществом за ущерб, нанесенный соседу, даже в том случае, если он действовал при этом по поручению хозяина (XLIII, 24, 13, 7 — Ульп.), причем в отличие от хозяина колон привлекается к ответственности еще и в уголовном порядке (XXXIX, 3, 4, 2—5; XXXIX, 4, 16, 11). Если колон рубит дерево, его можно привлечь по четырем статьям — *furti*, *condictione*, *ad exhibendum* и *ex locato* (XLVII, 7, 8—9). «В его вину засчитывается и то, если из вражды к нему сосед его срубил деревья. Если он сам срубил, он отвечает не только *ex locato*, но и по *lex Aquilia* и по закону 12 таблиц, и по интердикту *de vi et clam*» (XIX, 2, 25, 3—5).

Все постановления и разъяснения юристов Дигест носят общий характер, и нельзя установить в каждом отдельном случае, идет ли речь об общеимперских или случайных местных нормах права. Но законодательство, несомненно, стремилось навязать свои нормы всему населению империи. В числе тех трех рычагов, которые разрушили во всех покоренных Римом странах «старые общественные условия жизни», Энгельс называет и римское право: «...римские судьи выносили свои решения повсюду на основании римского права, а местные общественные порядки объявлялись тем самым недействительными, поскольку они не совпадали с римским правопорядком»¹. Конечно, сведение всего к одному уровню было длительным процессом; неодинаково было и политическое положение различных провинций в составе империи. Римляне не прочь были иной раз и позаимствовать кое-что из практики покоренных стран (например, систему литургий). Но во II—III вв., когда жили и работали виднейшие юристы Дигест, нивелирующая сила Рима сказалась во всех частях империи.

¹ Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

Мы имеем довольно подробные сведения о земельной аренде в Палестине в эпоху составления Мишны, т. е. в конце II и в начале III в. Мишна различает два типа арендаторов — *socher* и *choker*. «Какая разница между *socher* и *choker*? Первое оплачивается деньгами, второе — плодами» (Тос. Демай, 6, 2). Разновидность второго типа аренды — *arisut*, когда арендатор независимо от урожая, вносит не точно зафиксированную плату натурой, а определенную долю урожая. В арендном договоре *aris* пишет: «Я встану, вспашу, посею, скошу и свяжу снопы, смолочу и провею и сложу в кучу для тебя, и тогда ты придешь и возьмешь половину, а я за свои труды и издержки половину» (Б.— Мец. 105 а). Мы имеем здесь те же основные типы аренды, что и по римскому праву: *socher* — арендующий землю за деньги (*mercede, pensione*) и *aris* — издольщик (*partiararius*). CI, IV, 65, 10 (293 г.) дает также аналогию с *choker*’ом, здесь предусматривается сдача земли в аренду за точно фиксированную плату натурой. Как и римское право, законодательство Талмуда стремится обеспечить не только исправные взносы арендной платы, но и правильную обработку земли колоном. «Некто арендовал поле у ближнего своего и не хочет полоть и говорит ему (владельцу): какое тебе дело до этого, раз я тебе даю твою арендную плату? Его не слушают, ибо тот может возразить: завтра ты уйдешь, и поле будет давать мне сорные травы» (М. Б.— М., IX, 4). В договоре *aris* пишет: «если я оставлю поле пустовать и не обработаю его, заплачу лучшим» (там же, IX, 36). Скидки с арендной платы по случаю стихийного бедствия предусмотрены в Мишне так же, как и в римском праве (М. Б.— М., IX; ср. Dig., XIX, 2, 15, 1—7; CI, IV, 65, 8 от 231 г.). Земля по Талмуду сдается на срок (М. Б.— М., IX, 9, 10); стороны выступают как свободные контрагенты. Многократно подчеркивается, что локатор и арендатор не должны идти против обычая страны¹. Талмуд еще в большей мере, чем Дигесты, имеет казуистический характер. Однако он дает нам возможность с уверенностью заключить, что в Палестине к III в. н. э. арендатор был юридически свободным лицом и его взаимоотношения с землевладельцем определялись договором и местным обычаем.

Когда колонны превратились в зависимых земледельцев, прикрепленных к земле, новое положение вещей было распространено законодательным путем и на Палестину. Указ Феодосия и Аркадия (ок. 385 г.) гласит: «Так как в прочих провинциях, находящихся под властью нашей светлости, установленный предками закон связывает колоннов неким принципом вечности (*quodam aeternitatis iure*), так что им не разрешается уйти с тех мест, плодами которых они пользуются, и покинуть те земли, которые они взялись обрабатывать, так как посессорам в провинции Палестине не дано это преимущество, — мы постановляем, чтобы и в Палестине ни один из колоннов не наслаждался полноправием (*suo iure*), пользуясь правом передержания и свободой, но, по примеру прочих провинций, был закреплен (*teneatur*) за имением хозяина и не мог уйти, не подвергаясь (за это) наказанию. Прибавь к этому, что хозяину владения дается полная власть востребовать его обратно» (CI, XI, 51 [50]).

Около того же времени колонатные отношения вводятся законодательным путем во Фракии: «Во Фракийском диоцезе уничтожается поголовная подать (*capitatio humana*), остается только поземельный налог (*iugatio terrena*)². А чтобы колонны, освободившись от положения подат-

¹ Ср. CI, IV, 65, 18 (290 г.), 19 (493 г.).

² Непонятно, каким образом Фюстель де Куланж при наличии столь четкого разграничения *capitatio* и *iugatio* может утверждать, что *caput* — лишь особый способ исчисления земельного налога.

ных (*tributariae sortis*), не получили возможности переходить с места на место и уходить куда угодно, на них распространяется принцип прикрепления к месту происхождения (*ius originarium*); и хотя они по рождению, очевидно, свободнорожденные (*ingenui*), пусть считаются рабами самой земли, на которой они родились; пусть не дано им будет возможности уходить, куда хотят, или менять места; а их посессор пусть по праву несет заботы патрона и пользуется властью хозяина. 2. Если кто примет к себе и удержит чужого колона, он должен заплатить два фунта тому, чьи поля беглец лишил обработки, и, кроме того, должен вернуть его вместе с пекулием и приплодом» (декрет Феодосия, Аркадия и Гонория, CI, XI, 52 [51]).

Несколько раньше, в 371 г., аналогичный указ издан для Иллирии: «Колонам и инквилинам в Иллирии и соседних областях не разрешается уходить из имения, где они должны оставаться в силу своего происхождения (*originis*) и родственных связей (*agnationis*), пусть они служат земле, не в силу податной связанности (*tributario nexu*), но под именем и титулом колонов, так что, если они уйдут или перейдут к другому (помещику), они должны быть возвращены, подвергнуты заключению в оковы и штрафу; наказанию подлежат и те, кто их держит у себя...» (CI, XI, 53 [52]).

К сожалению, очень интересное сообщение Павла (Dig., L, 15, 8) изложено очень скупо и не дает возможности составить ясное суждение о положении колонов в других провинциях в более ранний период. Мы узнаем лишь, что «5. *Divus Antoninus* (Каракалла) превратил антихийцев в колонов, сохранив подати. 6. Наш император Антонин (Александр Север) превратил городскую общину Эмезы в колонию и дал ей *ius publicum*. 7. Божественный Веспасиан сделал кесарийцев колонами, не прибавив к этому, что они получают *ius italicum*, но освободив их от подушной подати; но Тит использовал это в том смысле, что и земля стала свободной от податей».

Приведенные документы показывают, какова была роль законодательства в развитии возникшего, конечно, независимо от него, колоната. По этому вопросу в буржуазной литературе существуют две крайние точки зрения. Одна из них, представленная главным образом Ревилью и Шульценом, считает колонат искусственным насаждением, которое создано императорскими декретами и административными распоряжениями в интересах фиска. Эта грубо идеалистическая теория не удовлетворяет даже историков-идеалистов. В другую крайность впадает Фюстель де Куланж; он совершенно отрицает значение законодательной инициативы и считает, что законы всегда регистрируют и оформляют фактически уже существующие отношения.

Мнение Фюстель де Куланжа правильно в том смысле, что законодательство в целом отражает реальное соотношение сил в классовой борьбе. Но не следует смешивать право как идеологическую надстройку с изданием того или иного закона как конкретным политическим актом. Законодательная власть является одним из орудий насилия в руках господствующего класса, а насилие, власть, по словам Энгельса, тоже экономическая сила. Дигесты и Институции представляют собою свод римского права, и потому они лишь отражают с точки зрения господствующего класса давно сложившиеся, а порой даже уже отжившие общественные отношения. Но отдельные законодательные акты, вроде императорского декрета о палестинских колонах, несомненно, должны были ускорить процесс соответствующего изменения общественных отношений и, будучи в конечном счете продуктом экономических отношений, оказывать обратное воздействие на экономику.

Мы видели, что термин «колон», который в юридических памятниках

первоначально означал свободного арендатора, связанного лишь условиями найма, к IV в. меняет свое содержание. «Колон» обозначает теперь уже зависимого земледельца, привязанного к земле, лишенного права свободного передвижения. Его обязанности по отношению к землевладельцу не определяются договором, а вытекают из его принадлежности к сословию колонов. Не будучи рабом, колон, однако, и не свободен, и для обозначения свободного земледельца в V в. приходится применять уже выражение *liber colonus*, *libera colona* (CI, XI, 68 [67]; XI, 53, 3). Радикальные перемены в положении колонов отразились и в том, что в документах появляются все новые термины и эпитеты, посредством которых законодатели пытаются выразить новое правовое положение колонов. Отсюда — пестрота терминологии в юридических памятниках IV—V вв.

Довольно часто в юридических текстах встречается термин *adscripticii*, *sensibus adscripti* или *censiti*. Впервые термин *adscripticius* мы находим в одном законе 231 г. (CI, XI, 3, 2); закон этот предоставляет хозяину право востребовать подкинутого ребенка рабыни *vel adscripticiae*. Здесь неясно, отождествляются ли или различаются *ancilla* и *adscripticia*, хотя первое предположение более правдоподобно. Но это место — единственное для III в. Систематически *adscripticius* употребляется в законодательных памятниках лишь с IV в., причем в первом законе IV в., где упоминается термин *adscripticius*, он применяется не к колону, а к рабу. Рескрипт императора Константина на имя Акакия, комита Македонии, от 27 февраля 327 г. гласит: «*Mancipia sensibus adscripta* (рабы, приписанные к цензам) продаются (лишь) внутри провинции, и кто приобрел такое владение (т. е. раба *adscripticius*), пусть знает, что они обязаны заглянуть (предварительно в цензовые списки)» (CTh, XI, 3, 2). Отсюда Родбертус заключает, что колонат возник из рабства путем предоставления рабам возможности работать на земле самостоятельно на правах арендатора. Такой раб назывался *adscripticius*, и впоследствии это положение распространилось и на свободных арендаторов.

Что рабство начало изживать себя и что рабский труд на латифундиях перестал приносить доход, очень хорошо чувствовали рабовладельцы I и II вв. Известны высказывания по этому поводу, например, Плиния Старшего. Рабовладельцы пытались поэтому стимулировать инициативу рабов и повысить производительность их труда, выделяя городским рабам *пекуллии* для самостоятельного занятия ремеслом или торговлей и сажая сельских рабов на землю в качестве как бы постоянных арендаторов. Обработка земли рабами за счет землевладельца под надзором вилки становится сравнительно редким явлением. Павел приводит только уже как казус такой случай, когда «часть имений была без колонов, и дебитор передал их для обработки своему актору, назначив ему и рабов, необходимых для обработки» (Dig., 20, 1, 32). В ряде мест в Дигестах говорится об аренде земли рабом у своего господина. Еще Альфен в начале нашей эры пишет о рабе, которому господин сдал в наем (*locavit*) имение для обработки (Dig., XV, 3, 16). Павел различает вилков, работающих за счет хозяина (*fide dominica*), и таких, которые вносили определенную арендную плату (*pensionis certa quantitate*, Dig., XXXIII, 7, 18, 4). О том же пишет Сцевола: «На вопрос, следует ли Сею на основании фидеикомисса раб Стих, который обрабатывал одно из этих имений и остался должен большую сумму, он ответил: если он (раб) обрабатывал землю не за счет хозяина, а за арендную плату (*mercede*) как посторонние колоны, он не подлежит отдаче» (Dig., XXXIII, 7, 20, 1). Ульпиан, ссылаясь на Лабейона, говорит о рабе, который находился в имении как бы на положении колона — *quasi colonus* (Dig., XXX, 7, 12, 3). Сцевола

(Dig., XXXIII, 8, 23, 3) прямо говорит о рабах, которые были в имениях колонами и вносили арендную плату (*pensiones*).

Однако это, разумеется, не значит, что Родбертус полностью прав. Все эти тексты говорят лишь о том, что раб может по воле своего господина стать в положение колона (*quasi colonus*), пока хозяин этого хочет. Но он остается рабом. Это с полной очевидностью вытекает из всех без исключения упоминаний о рабах и колонах в Дигестах и в кодексах. Не только юридически, но и экономически рабы не могли превратиться в колонатов, и Энгельс подчеркивает, что при рабстве «...возможен лишь отпуск отдельного лица на волю сразу без переходного состояния...»¹

Если и рабы, и колоны обозначаются в некоторых случаях одним и тем же термином *adscripticii*, то это объясняется тем, что и те, и другие вносились в цензовые списки по тому имению, где они работали. В *formula censualis*, которую приводит Ульпиан (Dig., L, 15, 4), мы читаем: «5. В сообщениях о рабах необходимо соблюсти, чтобы были подробно указаны их этническая принадлежность (*nationes*), возраст, должность и специальность... 8. Если кто не покажет поселенца или колона, он подлежит заключению в цензорскую тюрьму». Таким образом, и рабы, и колоны — *censiti*; но основания для этого разные. В то время как рабы вносились в ценз господина как имущество, находящееся в данном имении, колон в тех случаях, когда он *adscripticius*, вносился в цензовые книги в качестве плательщика подати, за взнос которой обычно отвечает хозяин.

«Приписка» колона к цензу имения, где он арендовал свой участок, не была всегда обязательной. Это показывается рескриптом Аркадия и Гонория комиту Азии (XI, 50 [49], 2), где говорится, что колоны «по-елику (*dum taxat*) они *censibus adscripti*... счтаются отданными в некое рабство». Еще яснее декрет Валентиниана и Валента от 366 г. (CI, XI, 48 [47], 4); «Те, которые обладают имениями, должны выплачивать свои подати (*munia functionis*) за всех прирожденных колонов (*coloni originarii*), о которых установлено, что они внесены в ценз в этих местах, и сами или через управляющих принимать на себя ответственность за понуждение (колонов к уплате). Конечно, на тех, у которых есть хоть какое-нибудь земельное владение и которые записаны (*conscripti*) в своих местах и внесены в цензовые книги под собственными именами, настоящее предписание не распространяется, ибо правильно, чтобы самостоятельные мелкие земледельцы (*propriae commissos mediocritati*) сдавали обычные хлебные подати под надзором обыкновенного экзактора». Мы видим отсюда, что *adscriptio* для колонов так же, как для свободных земледельцев, — чисто административная мера по упорядочению сбора податей, применявшаяся к различным категориям населения. В рескрипте на имя префекта претория Галлий Валентиниан и Валент в 366 г. разъясняют: «Всех вообще беглых *adscripticios colonos vel inquilinos* без различия пола, обязанностей и положения (*condicionis*) пусть наместники провинций понудят вернуться к своим пенатам, где они внесены в цензовые списки, выросли и родились» (CI, XI, 48 [47], 6).

В другом рескрипте на имя префекта претория Галлий мы читаем: «Пусть твое превосходительство... предпишет, что бы все посесоры были прикреплены к повинностям и именно в тех провинциях... где соблюдается этот способ прикрепления плебса и *adscriptio*... При этом, если имение, к которому было приписано определенное количество плебса, переходит к другому лицу, новый владелец обязан принять на себя (подат-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950, стр. 162.

ные) тяготы проданного (имения), так как установлено, что во всех имениях плебс нельзя ни приписать, ни отнять у того, кому они впредь будут отданы» (CTh, XI, 1, 26 от 39 г.) Adscriptio было, таким образом, не источником, а следствием развития колонатных отношений. Императорское правительство заботилось в первую очередь не о том, чтобы подчинить колонов посессору, а о том, чтобы использовать подчиненное положение колонов для упорядочения сбора податей. Поэтому в указе Феодосия и Валентиниана от 434 г. censibus adscripti в некоторых отношениях приравниваются к клиентам и курялам (CTh, V, 3). Такое же приравнивание к курялам мы находим и в указе Юстиниана (CI, XI, 48 [47], 23).

Налоговая реформа Диоклетиана, которая подвела все трудящееся сельское население, plebs rustica, под capitatio humana и iugatio terrena, включив в податное сословие также италиков, совпала с периодом роста колонатных отношений. Распространив принцип adscriptio на колонов, а порою и на свободных земледельцев, правительство стремилось гарантировать себе регулярное поступление податей. Оно возложило на посессоров как бы литургную, сделав их ответственными за тяготевшие над имением налоги, независимо от того, обрабатывалось ли оно рабами под надзором виллика, рабами «на положении колонов», колонами или свободными съемщиками. Но бремя этой своеобразной литургии фактически было выгодно посессорам; оно давало им в руки средство внеэкономического насилия над колонами, которые были «отданы им в некое рабство». Правительство содействовало углублению бесправия колонов. Декрет Аркадия и Гонория (395—402) запрещает колонам censiti и adscripticii жаловаться на хозяина; исключение остается лишь для уголовного преследования и для superehactio.

Римское государство, превратившееся, по выражению Энгельса, «... в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»¹, использовало в интересах фиска отношения, складывавшиеся независимо от воли его правителей. Заботой о хлебе и налогах проникнуто все земельное законодательство императоров II—V вв. Оно, несомненно, ускорило процесс закрепощения колонов, дав ему законодательную санкцию. Но колоны, с точки зрения императорского правительства, прежде всего — податное сословие. Рескрипт Аркадия и Гонория комиту Азии (ок. 400 г.), как бы определяя социальное положение coloni adscripticii, отмечает, что они «свободны от того, чему их не подчинят подати» (CI, XI, 50 [49], 2), что они несвободны лишь в смысле принадлежности к податному сословию. С этой точки зрения кодексы иной раз отождествляют колона и трибутария (CTh, X, 12, 2, ок. 370 г.), тогда как в начале IV в. Константин в рескрипте викарию Британии (319 г.) различает эти категории: «каждый декурсион привлекается к ответу за ту долю (платежей по налогам), которую должен вносить либо он сам, либо его колон, либо tributarius» (CTh, XI, 7, 2).

Наряду с coloni мы в юридических текстах встречаем термин inquilini. В Дигестах inquilinus — квартиронаниматель, в отличие от colonus — земельного арендатора (Dig., XIX, 2, 19, 3; 2, 24, 1; 43, 32, 1, пр.— 1). Позднее inquilinus стал обозначать и мелких земельных арендаторов. Под рубрикой Si vagum petatur mancipium CTh, X, 12, 2 (ок. 370 г.) говорит о «бродячих» трибутариях и инквилинах, которые должны быть возвращены хозяину. В том же кодексе рубрика V, 17 сформулирована следующим образом: «De fugitivis colonis, inquilinis et servis»; CTh, V, 18 «De inquilinis et colonis» говорит о том, что, если какой-нибудь колон или inquilinus прожил вне места приписки 30 лет, он в силу дав-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., 1950, стр. 153.

ности освобождается от своих обязанностей перед прежним хозяином (для женщины срок давности — 20 лет). Здесь мы видим неустойчивость терминологии: в то время как в рубрике колон и инквилин — разные категории, в самом тексте колонны делятся на *originales*, так сказать, потомственных, родившихся от колонов, и *inquilini* — пришлых поселенцев. В дальнейшем в этом декрете (419 г.) речь идет уже только об *originarii*. В указе Аркадия и Гонория префекту претория Галлий (CI, XI, 48/47, 13) говорится о «колонах и инквилинах», но здесь же указывается, что их положение «поскольку это касается права востребования к месту происхождения (*ad originem vindicandam*), почти одно и то же, не отличающееся одно от другого, хотя есть различие в имени». Однако в другом декрете Аркадия и Гонория (CI, XI, 48 [47], 33), мы видим еще градацию *servi — tributarii (= coloni) — inquilini*. Ту же градацию в обратном порядке мы имеем в CTh, XI, 19, 1 (400 г.): *inquilina — colona — ancilla*.

Повидимому, инквилин в IV в. — вольный поселенец (не всегда из трибутариев), занимающий господскую землю, как и колон, но (теоретически) по договору, хотя и одностороннему. Однако уже к концу IV в. грани стираются, инквилин теряет право передвижения, как и *originarius*, его эфемерные права свободного контрагента отступают перед теми же экономическими силами, которые закрепили колона, тоже ведь бывшего некогда вполне *sui iuris* и равноправной стороной в своих отношениях с землевладельцем.

Нам приходилось уже встречать термин *originarius* или *originalis*. Этим терминам некоторые исследователи придают исключительное значение, полагая, что здесь имеется намек на один из основных источников колоната. Большое значение придавал этому М. Вебер, отводящий в своей теории колоната видное место «учению об *origo*». Такое же видное место занимает у Ростовцева учение об $\rho\delta\iota\alpha$. *Originarius* встречается в юридических текстах лишь со второй половины IV в. Из тех восьми мест, где упоминаются *originarii*, в одном (CI, XI, 48 [47], 7, ок. 370 г.) имеются в виду, повидимому, рабы, закрепленные за данным имением и занесенные здесь в цензовые списки. Нясно, как надо понимать *originaria* в CTh, X, 20, 10, (от 380 г.): по контексту надо думать, что речь идет о свободной женщине, а не о рабыне, и что в выражении *originaria vel colona alienae possessionis* вторая половина является пояснением слова *originaria*. В CTh, V, 18, 7 (419 г.) мы читаем: «если колон *originalis* или *inquilinus...*», т. е. *originalis* означает здесь одну категорию колонов, которой противопоставляется категория инквилинов. В CI, XI, 48, [47], 4, (от 366 г.) говорится о том, что владелец имения несет ответственность за повинности *coloni originales*, которые были занесены в цене в этих местах. В декрете Аркадия и Гонория *ad populum* выделяются *coloni originarii* как категория людей, которым не должно быть дано никаких поблажек, но надо «подсчитать все, что они в общей сложности не доплатили по чьей-либо милости, и заставить возратить господину или имению»¹ (CI, XI, 48 [47], 11). Наконец, CI, XI, 48 [47], 16 (от 419 г.) разъясняет, что потомство женщины, «о которой установлено, что она *originaria*», если она вышла за свободного, «согласно древним установлениям, должно быть возвращено».

Во всех этих случаях *originarius* и *originalis* означает собственно

¹ *domino vel fundo*; можно было бы думать, что «*fundo*» колон должен дать возмещение за невыполненные работы по мелиорации и т. п.; но этому препятствует выражение «подсчитать». Надо поэтому полагать, что речь идет о таких имениях, где хозяйство ведет сам владелец, и о таких, где распоряжается актер или прокуратор (например, в императорском домене). В первом случае колон платит *domino*, во втором — *fundo*.

«коренной», «прирожденный»). Связь с *origo* как правовым институтом ясно выражена, во-первых, в декрете Феодосия, Аркадия и Гонория (СІ, XI, 52 [51], 1) о фракийских колонах, где прямо говорится о *ius originarium*; во-вторых, мы встречаем *origo* как юридическое понятие в упомянутом уже декрете Аркадия и Гонория (СІ, XI, 48 [47], 13), где мимоходом сказано о виндикации *origo* как для колонов, так и для инквилинов. Но оба эти текста относятся к периоду около 400 г., когда прикрепление колонов к земле было давно завершившимся процессом. В более ранних указах, как знаменитый указ Константина 332 г. или указ Валентиниана, Валента и Грациана от 371 г., *origo*, несомненно, означает просто «происхождение». Тот факт, что термин *originarius* начинает применяться к колонам лишь во второй половине IV в., а *ius originarium* — только около 400 г., указывает, что *origo* не могло служить не только источником колоната, но даже просто легальной формой, в которую его облекало правительство. Колоны стали восприниматься как *originarii* лишь после того, как прикрепление колонов к земле стало закономерным явлением.

Ссылка М. Вебера¹ на применение *origo* и термина *originarius* к декурионам говорит как раз против его теории. Ведь прикрепление декурионов к *origo* засвидетельствовано уже Ульпианом (Dig., L, 2, 1), и если бы распространение этого принципа на колонов было истинным источником позднейших колонатных отношений, это не могло бы не получить отражения в юридической литературе III—IV вв. Дело обстоит как раз наоборот: прикрепление колонов к своему участку дало возможность императорскому правительству распространить на них принцип *origo*, чтобы обеспечить поступление податей. Впоследствии под этот принцип подпали и инквилины. Этому положению как будто противоречит декрет о фракийских колонах. В самом деле, там говорится о том, что эти колоны освобождаются от *capitatio humana* и именно потому на них распространяется *ius originarium*. Выходит, что *ius originarium* совершенно не связано со взиманием налогов. В действительности же этот декрет скорее подтверждает, чем опровергает высказанное нами предположение. Дело в том, что *capitatio humana* отменяется, но остается *iugatio terrena*. Но если *capitatio humana* неотделима от налогоплательщика, то *iugatio terrena*, земельная подать, легко может оторваться от своего носителя, если он пользуется правом свободного передвижения. Поэтому-то императоры и нашли нужным распространить на фракийских колонов, освобожденных от *capitatio*, *ius originarium*, которому фактически были подчинены колоны в других частях империи.

Особые трудности представляет термин, встречающийся в одном единственном тексте (СTh, XI, 24, 6, 415 г.) — *homologi* или *homologi coloni*. В этом декрете Гонория и Феодосия речь идет о прекращении расследования о патронах, получивших земли после 397 г.; «а владения, — читаем мы дальше в *prooemium*, — утвердившиеся в своем состоянии до того, остаются у владельцев, если они без обиняков примут на себя пропорционально государственные налоги и литургии, которые, как установлено, выполняют *homologi coloni*... 3. Те же, кто, оставив селения, к которым приписаны, *et qui homologi more gentilicio nuncupantur*...» Зулуэта², толкуя это слово по аналогии с *ὁμόδουλος* и т. п., приходит к заключению, что *homologi* означают колонов, несущих коллективную ответственность за подати и литургии. По его мнению, *ὁμόλογος λαογραφία* означает список членов группы, несущей коллективную ответственность

¹ M. Weber, *Römische Agrargeschichte*, Stuttg., 1891, стр. 253.

² F. de Zulueta, *De patrocinii vicorum* («Oxford Studies in social and legal History», т. I), Oxf., 1909, стр. 51 сл.

за что-либо; он поэтому допускает, что *homologi coloni* может означать и коллектив свободных земледельцев, не *adscripticii*. У. Вилькена¹ это объяснение не удовлетворяет. Путем привлечения папирусных текстов Вилькен довольно убедительно показывает, что *homologi* — во всяком случае в Египте — означает людей, подлежащих подушной подати. Но его попытка доказать, при помощи этимологической натяжки, что *ἑμόλογος* = *dediticus*, совершенно неудачна. Кроме того, такое толкование не подходит для нашего места, где речь не может идти специально о *dediticii*, тем более, что декрет адресован префекту претория и имеет общий характер.

Между тем из нашего текста видно, во-первых, что *homologi* — это колоны, притом, вопреки мнению Зулуэта — *adscripticii* (et qui... разъясняет предыдущее, а не дополняет); во-вторых, что в качестве *homologi coloni* они обязаны платить подати (*publicas functiones*) и выполнять литургии. Это значение вполне подходит и для толкования папирусных текстов. А что колоны во многих случаях коллективно отвечали за свои обязательства, показывает практика Египта и Африки (в императорских доменах колоны имели своего *defensor*'а). В надписи из Малой Азии упоминается *κλιών «τῶν Ἀραγοῦνηδῶν παροίκων καὶ γεωργῶν»*², что соответствует лат. *inquilinozum et colonorum*. В другом частном именовании во Фригии колоны в надписи 207/208 г. обозначаются *δῆμος Ὀρμηλέων*³. Этому соответствует *populus fundi* или *plebs* в СТб, XI, 1, 26 (399 г.).

При скудости и отрывочности юридических памятников, при их отставании от реальной жизни трудно проследить по ним эволюцию правового положения мелкого земледельца от полноправного обладателя *ager publicus* до находящегося почти в рабском состоянии колона V—VI вв. Еще меньше сведений эти памятники дают нам об экономическом положении колоннов.

Мы уже видели, что с точки зрения юристов, представленных в Дигестах, взаимоотношения между колоном и землевладельцем определяются договором и регулируются законами *locatio-conductio*. Последним по времени документом в этом смысле является указ Диоклетиана и Максимиана от 293 г. (CI, IV, 65, 19): «В отношении *locatio-conductio* должно тщательно соблюдать контракт, если в нем не выражено ничего специально против обычаев страны; и если кто вопреки условиям контракта и местному обычаю снизил арендную плату, это не может служить прецедентом для других». Правда, здесь, как и в следующем указе того же года (CI, IV, 65, 20), колоны прямо не названы. Но во всяком случае равноправие колона и землевладельца — лишь теоретическая догма, утверждаемая римскими юристами. Здесь еще сказываются старые представления республиканского периода о земледельце как свободном римском гражданине. В колонне продолжали видеть крестьянина, а не работника; и пока рост латифундий, обрабатываемых рабами, вытесняли мелких земледельцев, лишая их земли, рабовладельческое право продолжало признавать колоннов свободными контрагентами. Но когда рабское хозяйство перестало окупать себя, когда «мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия»⁴, когда пришлось разбивать виллы на парцеллы и передавать их колоннам, юридическая догма потеряла всякое практическое значение. Колон, как работ-

¹ В кн: M. Rostovzew, Studien zur Gesch. der röm. Kolonats, Lpz., 1910, стр. 220 сл.

² М. Ростовцев, История государственного откупа, СПб., 1899, стр. 381 сл.

³ O. Hirschfeld, Die Kaiserlichen Grundherrschaften bis auf Diokletian, В., 1905, стр. 134.

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., М., 1950, стр. 154.

ник на чужой земле, не мог оставаться равноправным с землевладельцем. Разъясняя мистификаторский характер форм капитал—прибыль, земля—рента, труд—заработная плата, К. Маркс указывает, что эта мистификация исключена «...там, где, как в античную эпоху и в средние века, рабство или крепостничество образуют широкую основу общественного производства: господство условий производства над производителями замаскировывается здесь отношениями господства и порабощенности, которые выступают и видимы как непосредственные движущие пружины производственного процесса»¹. Земледелец, вкладывающий свой труд в чужую землю, должен был стать в подчинение к землевладельцу и потому, что, как неоднократно подчеркивает Энгельс, труд свободных морально презирался. Уравнение в правах всего населения империи (кроме *dedicatii*) эдиктом Каракаллы означало лишь уравнение в бесправии. «...Отмирающее рабство все еще было в силах заставить признавать всякий производительный труд рабским делом, недостойным свободных римлян. а таковыми теперь были все. В результате получилось, с одной стороны, — увеличение числа вольноотпущенных рабов, излишних и ставших обузой, а с другой стороны, — увеличение числа колонов...»².

В дальнейшем финансовая политика империи закрепила подчиненное положение колонов; они подчинены не только своему хозяину, они превращаются в податное сословие — *tributarii, censiti, adscripticii, originarii*, а землевладелец — в нечто вроде литурга, ответственного перед государством за подчиненный ему *populus fundi, plebs rustica*. Но чтобы это стало возможным, необходимо было реальное экономическое господство землевладельца над колоном. Основная экономическая причина подчиненного положения колона, конечно, в том, что он не является собственником участка, который он занимает в качестве издольщика (*partiarus*), наследственного арендатора или оброчного колона. Но, помимо того, землевладелец имел в своем распоряжении ряд других средств, чтоб поработить колона, когда это ему стало выгодно. Во-первых, колон нуждается не только в земле, но и в инвентаре, особенно, когда он снимал не пахотное поле, а виноградник или оливковую плантацию. Есть письмо Нератия к Аристону, что колона надо дать бочки, пресс и мельницу, снабженные канатами, а если их нет, хозяин должен их доставить; испорченный пресс хозяин обязан починить, а корзины, которыми мы пользуемся при выжимании масла, колон должен сам себе заготовить. Нератий писал: «Если масло выжимается при помощи кружков, хозяин должен заготовить пресс, ворот, кружки, колесо и винты, которыми поднимают пресс. Также медный чан, в котором масло промывают горячей водой, и прочую масляную посуду должен дать хозяин, так же как и винные бочки, которые колон должен будет осолить для предстоящего пользования» (*Dig., XIX, 2, 19, 2—Ульц.*). От Плиния мы узнаем, что хозяин имения снабжал маломощных колонов иной раз и рабами (*ср. III, 19*). Необходимость пользоваться инвентарем хозяина и, очевидно, платить ему за амортизацию (*CI, IV, 65, 29*) усиливала зависимость колона.

Но и тот инвентарь, который составлял собственность колона, фактически ему не принадлежал, так как он служил за л о г о м в обеспечении уплаты аренды. И это было еще одним средством порабощения колона.

Император Антонин (Александр Север) в 223 г. разъясняет: «Вполне соответствует праву, что все то, что колонны с соизволения хозяев везут

¹ К. Маркс, Капитал, Госполитиздат, 1949, т. III, стр. 844—845.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., 1950, стр. 155.

на снятый участок, считается в закладе у хозяина имения» (СI, IV, 65, 5; ср. 16). Не только инвентарь, но и урожай, снятый колоном, считается в закладе: «в сельских имениях получающийся урожай молчаливо считается в залоге у хозяина сданного в наем имения, если даже это специально не было оговорено» (Dig., XX, 2, 7 — Помпоний; ср. XIX, 2, 24, 1 — Павел). Колон отвечает своим имуществом и урожаем не только за взнос аренды, но и за инвентарь, за налоги и другие обязательства, вытекавшие из договоров или местного обычая. Преторский эдикт устанавливает интердикт против владельца, который насильственно задерживает бывшего у него в залоге имущество съемщика, если последний с ним расплатился. Ульпиан дает к этому разъяснение: «Этот интердикт предлагается инквилину, который, уплатив арендную плату, хочет выехать; на колона он не распространяется» (Dig., XLIII, 32, pr. — 1). Поссessor может, таким образом, беспрепятственно наложить руку на все достояние колона. Неудивительно поэтому, что имущество колона в позднейших текстах называется, как и имущество раба, пекунием (СTh, V, 3; V, 18), а в эдикте Анастасия прямо сказано, что пекуний *adscripticii* (ἐναπόγραφοί) принадлежит господину (СI, XI, 48 [47], 49). При таком положении вещей владелец имения мог диктовать колону любые условия найма.

Необходимо иметь в виду, что развитие колонатных отношений не означало еще прекращения ведения хозяйства в латифундиях при помощи рабов. Колону приходилось конкурировать с рабским трудом, и владелец имения, используя более высокую производительность труда колона, устанавливал для него прожиточный минимум, вряд ли значительно превышавший прожиточный минимум раба, тем более — раба, сидевшего на специально выделенном ему участке.

Достаточно было малейшей заминки в хозяйстве, чтобы сделать колона неоплатным должником. Правда, закон предусматривал скидку с арендной платы в случае стихийного бедствия. Но относящиеся сюда правила, восходящие еще к концу республиканского периода, содержат целый ряд оговорок. «Сервий говорит, что и хозяин должен дать возмещение колону за стихийные неодолимые бедствия, как, например, от разлива рек, от галон и скворцов или чего-либо подобного, или если случилось нашествие неприятеля. Но если произошли повреждения, зависящие от самого предмета, то это — убыток колона, например, если скисло вино» (Dig., XIX, 2, 15, 2). То же ограничение предписывает и Мишна: «Некто арендовал поле у ближнего своего, и оно поедено саранчой или побито ветром: если это — бедствие страны, то он сбавляет ему арендную плату; а если это — не бедствие страны, то не сбавляет ему арендной платы» (М. Б. — М., IX, 6). Но и эту скидку хозяин может себе возместить: «Папиниан в четвертой книге Респонса говорит, что если кто дал скидку колону за один год по случаю неурожая, а в последующие затем годы был обильный урожай, хозяину нет ущерба от скидки, но он может полностью взыскать плату и за тот год, когда была скидка» (Dig., XIX, 2, 15, 4). Гай разъясняет, кроме того, что колон не отвечает за форсмажор, но лишь в том случае, если он снимает землю за деньги; «а колониздольщик как бы на правах компаньона делит с хозяином имения и прибыль и убыток» (Dig., XIX, 2, 25, 6). В результате колон всегда был в долгу, сколько бы он ни трудился, как бы аккуратно ни выполнял свои обязательства.

Что задолженность колона была явлением почти постоянным, свидетельствует ряд текстов в Дигестах, где *reliqua colonorum* обычно приводятся в числе главных элементов имущества землевладельца (Dig., XXXII, 91 pr.; 97; 101; XXXIII, 2, 32, 7; 33, 7, 20 pr.; 7, 24; 7, 20, 3; 7, 27 pr. — 2).

Вопрос о *reliqua colonomum* заслуживает особого внимания, так как термин этот толкуется неточно, а между тем Фюстель де Куланж и его последователи видят здесь один из источников колоната. «Они еще не привязаны к почве законом; но их прикрепляют к ней долги. Земля их удерживает, но еще не в качестве крепостных людей, а в качестве несостоятельных должников»¹. Фюстель де Куланж не может привести доказательств тому, что во II—III вв. несостоятельного должника можно было прикрепить к земле или обратить в кабалу. Но, помимо того, общепринятое понимание *reliqua colonomum* как никогда не погашаемых недоимок не совсем верно. В самом деле, ведь землевладелец сдавал землю колону не для того, чтобы накапливать недоимки, а для того, чтобы получать реальный доход. Если колон оказывался не в состоянии расплатиться, — а это было по вышеуказанным причинам явлением частым, — хозяину, естественно, предоставлялась возможность либо изгнать его от такого колона, благо он мог прогнать его без всяких юридических формальностей, либо найти более действительные способы взыскать свои деньги. По последнему пути шел рачительный хозяин Плиний Младший. «В прошлый арендный сезон, — пишет он, — недоимки, несмотря на большие скидки, возросли; поэтому многие совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как отчаялись в возможности выплатить их... Этим все растущим порокам надо оказать противодействие, надо найти против них средство. А средство одно — сдать не за плату, а за долю урожая и назначить некоторых из моих работников сборщиками, других — сторожами урожая» (ер. IV, 37, ср. III, 9).

Мы видим, что хозяева имели в своем распоряжении различные средства взыскивать недоимки. Конечно, надо полагать, что землевладельцы назначали такую плату за землю, что и неполная уплата была для них выгодна. Но все же было бы странно ожидать, чтобы хозяева, особенно там, где землю сдавали за деньги, мирились с недоимками. Правильнее поэтому будет понимать *reliqua colonomum* в Дигестах не как накопившиеся за долгий срок недоимки, а как текущие долги колонов. Дело в том, что все эти тексты Дигест касаются завещаний, где формула обычно такова: ... *fundi ita ut sunt instructi rustico instrumento supellectile pecore et vilicis cum reliquis colonorum* (XXXIII, 7, 20 pr.). Вполне естественно, что завещатель, который не рассчитывает умереть обязательно после расчета с колонами, осенью, отмечает в завещании причитающиеся с колонов платежи и только эти текущие платежи имеет здесь в виду. Прямое подтверждение такого толкования термина *reliqua* дает Dig., XXXIII, 7, 20, 3 — Сцев.: «Завещаны имения *cum dotibus et reliquis colonomum et vilicorum*. Относятся ли к легату *reliqua* колонов, которые по окончании срока найма ушли из колонии, оставив залог». Здесь, во-первых, речь идет о *reliqua* виликов, которые с точки зрения юридической не могут ведь стать несостоятельными должниками; следовательно, *reliqua* может здесь означать только текущие суммы, временно находящиеся у вилика до сдачи рабовладельцу. Во-вторых, в данном случае термином *reliqua colonomum* названы срочные платежи, обеспеченные залогом. Еще яснее высказывается Папиниан (Dig., XXXII, 91 pr.): «Если имение завещано дочери с *reliqua* колонов и акторов, завещанным считается только то из доходов имения, что осталось здесь же в деле; напротив, деньги, взысканные с колонов и внесенные в долговые книги этой области, не включаются в *reliqua* ни колонов, ни акторов».

¹ Фюстель де Куланж, Колонат, СПб., 1908, стр. 17.

Однако, если *reliqua colonorum* в Дигестах означают скорее текущие или будущие платежи колонов, чем недоимки несостоятельных плательщиков, колоны всегда так или иначе считались должниками; имущество их поэтому стало рассматриваться как пекулий, и притом отнюдь не только инвентарь, но и прочее имущество, связанное с арендованным участком. Во всяком случае в 365 г. Валентиниан и Валент в обращении к викарию Азии сформулировали такое положение: «Нет сомнения, что колоны до такой степени лишены права отчуждать пашни, которые они возделывают, что, даже если у них есть собственные, они без согласия и ведома патронов не имеют права передать это другим». А комментарий к этому тексту поясняет, что колон ничего не может отчуждать *neque de terra neque de peculio suo* (CTh, V, 19, 1).

Введение *capitatio* и *iugatio* дало землевладельцам еще новые орудия закабаления колонов; последние стали приписывать к цензу землевладельца, который отвечал за их подати перед казной; этим фактически обрывалась последняя нить, связывавшая колона как свободного гражданина с государством. Колон всецело оказывается отданным на поток и разграбление землевладельцу.

О том, как распоряжался посессор в своем имении, можно судить по тому, что в 365 г. императоры рескриптом на имя *коми́та rei privatae* предписывают, «чтобы наместники провинций не свирепствовали в отношении колонов с такой жестокостью, как до сих пор» (CTh, XI, 7,11). Но, считая необходимым умерить рвение чиновников в собственных императорских имениях, императоры не находили возможным ограничить аппетиты частных владельцев. Правительственному аппарату приходилось вести двойственную политику. Отдавая колонов во власть землевладельцев и прикрепляя их к земле, правительство вместе с тем старалось сохранить их платежеспособность и реально получить их подати. Но землевладельцы, используя все выгоды для них от закрепления колонов и неукоснительно взыскивая с них подати, не склонны были отдавать эти подати казне. Правительству приходилось, усиливая власть землевладельцев, вместе с тем оказывать известную защиту колонам. С другой стороны, они тщательно боролись против мощных владельцев — *potentes*, которые присваивали себе право освобождать податное население от государственных налогов и вообще изымать их из-под ведения имперских властей, чтобы получать таким образом за счет государства политические и экономические выгоды.

Правительству приходилось идти на некоторые жертвы и сокращать свои требования по отношению к колонам. В собственных имениях императоры, чтобы не погубить курицу, несущую золотые яйца, предписывают, как мы видели, «не свирепствовать в отношении колонов». В другом рескрипте *комиту rei privatae* 367 г. дается рассрочка платежа колонам, причем прямо говорится: *ut perspicue colonorum utilitati consulatur* (CTh, X, 1,11). Рескрипт 370 г. на имя проконсула Африки освобождает от *lustralis collatio* колонов, продающих на рынке свои продукты (CTh, XIII, 1, 8). О том же говорит указ Констанция сенату 361 г. (CTh, XIII, 1, 3). Константин указом от 328 г. предписывает не привлекать землевладельцев к экстраординарным повинностям во время сбора урожая (CI, XI, 48 [47] 1). Такого рода императорские декреты диктуются отнюдь не соображениями гуманности, а интересами фиска: колону надо обеспечить минимум условий, при которых он мог производить хлеб и платить подати. Именно этим мотивирует указ Гонория и Феодосия (CI, XI, 48 [47], 15) *комиту sacrae largitionis* требование не беспокоить задолжавших колонов: «они до такой степени должны быть прикреплены к земле, чтобы их ни на миг нельзя было оторвать».

По всей вероятности, льготы колонам давались по требованию землевладельцев, ссылавшихся на трудность взыскания податей, и вряд ли эти льготы приносили реальное облегчение самим колонам. Охотно принимая всякие поправки со стороны правительства, землевладельцы стремились освободиться от правительственной опеки и вместе с тем от денежных обязательств. Особенно независимыми чувствовали себя владельцы *fundi exserti*, экстерриториальных латифундий, не входивших в состав городской общины, *civitas*. В первую очередь сюда относились императорские домены, хотя представление об экстерриториальном положении таких поместий сильно преувеличено. По крайней мере, указы Констанция и Константа от 349 г. (СІ, III, 26, 7) свидетельствуют, что колонны даже императорских имений отнюдь не были в то время изъяты из ведения общедминистративных и судебных органов. Указ, адресованный *rationalis summae rei*, гласит: «Мы признали нужным, чтоб твое степенство было судьей (*disceptatrix*) по делам господских и патримониальных колоннов. А дуки, начальники пограничных пунктов и лагерей и управители провинций должны воздерживаться от вызова и привлечения колоннов» Но еще указ Валентиниана и Валента (ок. 370 г.) устанавливает порядок вызова в суд колона *rei privatae* (СTh. X, 4, 3). Изъятие колоннов из-под власти местных органов управления было, как правило, не источником, как думает М. Вебер, а результатом и спутником развития колонатных отношений.

Упадок городов, возрастание роли деревни в хозяйстве империи тоже повышали значение крупных землевладельцев, становившихся в положение полунезависимых могущественных господ (*potentes*), мало считавшихся с распоряжениями императорских чиновников. Правительство пыталось бороться против тенденции к децентрализации власти. В 360 г. Констанций и Юлиан пишут Геллидию: «Ты указал, что множество колоннов в Египте отдали себя под покровительство (*patrocinium*) тех дуков, которые опираются на (занимаемые ими) различные высокие должности. Итак, мы приказываем понудить всех тех, кто, как выяснилось, проявил столько дерзости, что предоставляет убежище и, обещав защиту, препятствует выполнению обязанностей,— выплатить все сборы, которые селяне (*vicani*), из общины (*consortium*) коих вышли (покровительствуемые колонны.— А. Р.) вносили из собственных средств в доход фиска, а тех, кого они приняли под свою защиту, заставь отказаться от их покровительства» (СTh, XI, 24, 1). В 395 г. императорский указ отмечает, что многие скрываются «под сенью могущественных» (*sub umbra potentium*), чтоб обмануть отечество и уклониться от уплаты налогов (СTh, XI, 1, 146). Указ 415 г. говорит о прекращении расследования, предпринятого против патронов, и высказывает тщетное пожелание, чтобы «все они выполняли все государственные повинности, так чтобы само название «патрон» совершенно было уничтожено» (СTh, XI, 24, 6).

Борьба против могущественных землевладельцев не могла, конечно, приостановить процесс децентрализации, вызванный глубокими экономическими причинами, и уже в 383 г. императорский указ официально признает три категории — *potentiores possessores*, куриалов и *minores possessores*. Приходилось лавировать между политикой закрепощения колоннов и других мелких земледельцев в пользу владельцев и попытками сдерживать стремление *potentes* к независимости от центральной власти.

* * *

Мы уже неоднократно отмечали, что доминирующий мотив в императорском законодательстве о колоннах — забота о налогах и анноне. Эдикт Константина 332 г., грозивший кандалами беглым колоннам, признающий

их лицами несвободными (*iuris alieni*), вместе с тем требует, чтобы так или иначе за бежавшего колона была внесена подать. О порядке получения податей, причитающихся с беглых колонов, говорит и эдикт Валентиниана, Валента и Грациана (СІ, XI, 48 [47], 8). О возмещении убытков казны, вытекающих из «бегства» колонов, говорит также СTh, X, 1, 7 (от 361 г.); X, 12, 2 (ок. 370 г.), XI, 24, 1 (от 360 г.). Вообще вопросу о *tributa, publicae functiones, munia* и т. д. уделяется в кодексах первенствующее место.

Другим мотивом законодательства о колонах является стремление бороться против запустения земель и добиться освоения пустопорожных земель. В IV—V вв. мы видим ряд поощрительных законов, имеющих целью побудить землевладельцев освоить на правах эмпитевтов худую, заброшенную или пустующую землю (СTh, X, 3, *de locatione fundorum iuris emphyteutici et rei privatae et templorum*; XI, 7, 9; XI, 16, 2; XI, 19, 13; XI, 28, 14; XV, 31; V, 15, 20 и др.). Но насаждение крупных эмпитевтов имело свою обратную сторону. Крупные эмпитевты стремились обратить полученную на правах наследственной аренды землю — *ager rudis et derelictus* в свою частную собственность и распорядиться ею по своему. Валентиниан и Валент в 364 г., ссылаясь на указ Юлиана, решительно восстают против таких попыток; они отмечают неправильные действия судей, толкующих указ Юлиана в том смысле, что он имеет силу лишь там, где с точки зрения фиска безразлично, владеет ли данное лицо землей на правах частной собственности или эмпитевсы. Указ предписывает отменить привилегии, которые эмпитевты самовольно присвоили себе. Еще в более решительном тоне составлен изданный вскоре декрет СTh, V, 15, 19.

Вместе с тем подчеркивается обязанность эмпитевтов культивировать плохие земли. Декрет 393 г. гласит: «*Ius emphyteuticarium*, по которому патримониальные или государственные земли отданы бессрочным посессорам, мы сохраняем в неприкосновенности, согласно велениям как нашим, так и наших предков» и что передано будет, того ни мы, ни кто другой не может отнять у владельцев. Но так как из-за неспособности бесчестных людей все лучшие земли служат жажде наживы и корыстолюбию, а худшие провинциальные земли, которых никто не хочет взять, остались впусте, пусть твое великолепие установит для руководства судей, чиновников и *defensores*, что если они в придачу к удобным землям не возьмутся за заброшенные и худшие, пусть знают, что им придется платиться штрафом, который будет за это установлен» (СTh, V, 14, 33). Такого рода принудительная аренда плохой земли, как добавление к эмпитевсе на удобной земле, известно под именем *ἐπιβολή* из практики Востока. Кодексы не раз возвращаются к этой теме (СTh, X, 3, 4; XIII, 11, 9; СІ, XI, 59 [58], 1—6, 7, 9, 10).

Для освоения новых земель требовались рабочие руки. Приходилось либо переселять или сманивать колонов с других земель, — против такого оголения обрабатываемых участков энергично выступало императорское законодательство, — либо искать работников на стороне. С конца II в. мы имеем сведения о заселении римских земель варварами на правах колонов. Марк Аврелий, победив маркоманов, многих переселил в Италию и «поселил на римской земле бесконечное множество иноплеменников» (SHA, Marc., 22 и 24). При императоре Клавдии *impletae barbaris servis scythisque cultoribus provinciae. Factus limitis barbari colonus ex Gotho* (SHA, Claud., 9; Ср. Eumen., Paneg. Const., 8—9). В 409 г. расселение по именам империи «на правах колоната» было применено к побежденному гуннскому племени скиров (СTh, V, 6, 3).

Такие случаи поселения варваров в качестве колонов весьма харак-

терны как одно из свидетельств банкротства рабовладельческого хозяйства. В республиканскую эпоху покоренные варвары попадали на римскую территорию в качестве рабов, а не колонов, ибо то был расцвет рабовладельческого общества; когда рабство стало изживать себя, обращение в рабство покоренных потеряло смысл. И если Моммзен¹ видит в поселении варваров источник колоната, то это — лишнее подтверждение того, что он, по собственному признанию, не мог объяснить происхождение колоната.

Необходимость поддерживать падающее земледелие на уровне потребности государства сказывается в том, что законодательство подчеркивает прикрепление колонов к земле, а не к землевладельцу. Ряд декретов направлен против вошедшего в практику права землевладельцев распоряжаться личностью колона и даже против права на личность раба. «Как оригинариев, так и сельских внесенных в ценз рабов нельзя продавать без земли ни в каком случае. Пусть не применяют ухищрений по обманному обходу тем, что, передав хозяину (т. е. покупателю.— *A. P.*) часть земли (а с нею всех колонов.— *A. P.*), лишают обработки все поле в целом. Но если к кому-либо переходит все имение или определенная часть его, то (к нему) должно перейти такое же количество рабов и оригинариев, какое было у прежних господ и владельцев во всем имении или в части; но покупатель (в случае нарушения декрета.— *A. P.*) пусть знает, что уплаченные им деньги потеряны, и независимо от этого продавцу предоставляется виндикация на востребование рабов (проданных без земли.— *A. P.*) с приплодом их. И если даже (продавец) по какой-либо причине уклонится от использования преимуществ этого закона и умрет, не заявив претензии, мы даем и наследникам его право виндикации даже против наследников покупателя без применения давности: ведь никто не станет сомневаться в недобросовестности такого владельца, который покупает что-либо вопреки запрещению закона» (декрет Валентиниана, Валента и Грациана, *CI, XI, 48 [47]*). В том же духе составлен рескрипт Констанция 357 г., *CI, XI, 48 [47], 2*: «Если кто захочет продать или подарить имение, он не может в порядке частного соглашения удерживать себе колоннов с тем, чтобы перевести их в другое место. Ибо кто считает колоннов полезными, тот либо должен их удерживать вместе с имением, либо — если он отчаялся извлечь пользу из имения — он должен их оставить на пользу другим (т. е. новому владельцу.— *A. P.*)». «Нужно также соблюдать то правило, что если один хозяин двух имений переведет колоннов из одного имения, в избытке снабженного земледельцами, в другое, страдавшее от недостатка (рабочих рук), и (затем) по какому-либо случаю эти имения перейдут к разным владельцам, перевод колоннов остается в силе, с тем, что господин того имения, с которого были переведены колонны, возвращает потомство переведенных» (Аркадий и Гонорий, *CI, XI, 48 [47], 13*).

Законодательство не раз подчеркивает, что колон прикреплен к земле, а не к владельцу. *Inserviant terrae* говорит декрет 371 г. об иллирийских колонах (*CI, XI, 53 [52]*); они «рабы самой земли, для которой родились» (*CI, XI, 52 [51]*), они *glæbis inhaerent* (*CI, XI, 48 [47], 15*). Но поскольку земля, к которой были прикреплены колонны, принадлежала помещику, а колонны были приписаны к его цензу, получали от него инвентарь и во всех отношениях экономически от него зависели, они фактически не могли сохранить и правовую независимость. Энгельс отмечает, и мы выше видели подтверждение этому в кодексах, что колон мог быть даже продан вместе с парцеллой. Правда, колон, ухитрившийся в течение 30 лет скры-

¹ «Hermes», XV, стр. 411.

ваться от своего хозяина, освобождался согласно закону от своей зависимости, но эта свобода означает лишь перемену хозяина. Декрет императора Анастасия разъясняет, что и *ἐναπογραφοί* (*adscripticii*) и «свободные» благодаря 30-летней давности колонны одинаково должны «обрабатывать землю и выплачивать *τέλος*» (CI, XI, 48 [47], 19). Еще яснее об этом говорит Nov. Val., XXXI (451 г.). Новелла отмечает, что колонны обходят закон о *coloni originarii*, бродяжничая в течение 30 лет и приобретая таким образом свободу. Выходит, что колон получает награду за правонарушение. Поэтому предписывается приписать такого колона к тому хозяину, у которого он прожил эти 30 лет, а если он жил у разных хозяев, его надо закрепить либо за тем, у которого он работал последние годы, или за тем, у которого он пробыл большую часть времени. Если колон успел обзавестись семьей, то, чтоб не разлучать мужа с женой и мать с детьми, новелла допускает в соответствующих случаях обмен.

В юридических памятниках нигде нет речи о том, что колонны — обязаны барщиной своему хозяину. В единственном месте, где упоминается *oregae* колонов, — CI, XI, 48 [47], 8 (ок. 370 г.) — речь идет о работах, которые оплачиваются хозяином, или о работах, которые землевладелец насильно навязал беглому колону, пользуясь его нелегальным положением. В одном месте в Дигестах упоминается об обязанности колона, помимо взноса арендной платы, «произвести какую-либо работу или расширить участок» (Dig., XIX, 2, 24, 3). Но там, несомненно, речь идет об обязательствах, вытекающих из договора. Что касается известного места у Колумеллы (1,7), то мысль его совершенно ясна: землевладелец должен требовать от колона работы (*opus exigat*), т. е. следить за тем, чтоб колон работал усердно на своем участке; в этом случае само собою выйдет так, что колон и арендную плату внесет в срок. Мы видели, что и Плиний рассуждал так же: видя, что имеет дело с «никудышными земледельцами», он счел нужным оказать им помощь, чтоб поднять урожайность земли колонов и сделать их платежеспособными.

С другой стороны, однако, весьма правдоподобно, что владелец имения, обрабатывая часть земли за свой счет посредством рабов и нуждаясь в рабочих руках в страдную пору (ср. Cato, R. г., 4), выговаривал себе помощь колонов в период острой нужды в рабочих руках, причем эта помощь была, надо полагать, платной или во всяком случае засчитывалась в арендную плату. Возможно даже, что кое-где включение соответствующего пункта в договор со съемщиком вошло в обычай. А когда двусторонний договор между локатором и колоном стал превращаться в одностороннее обязательство со стороны колона, помощь со стороны колона владельцу имения в страдную пору могли начать рассматривать как обязательную.

Впервые упоминание об обязательной работе колона на земледельца мы находим в известной африканской надписи *lex Manciana* (115—117 гг.). Это по характеру своему *lex dicta*, т. е. не законодательный акт, исходящий от магистрата, а статут, установленный владельцем имения и заранее намечающий условия, которым должен будет подчиняться всякий желающий снять участок земли на правах колона. Авторы надписи ссылаются на более старый устав — собственно *lex Manciana* — носивший более общий характер; последнее видно из того, что со стороны землевладельца выступает не конкретное лицо, а «владельцы, кондукторы или вилики», т. е. *lex* можно было применять к различным случаям — когда владелец сам управлял имением или поручал его надзору вилика, или сдавал его кондуктору, который был посредником между владельцем и колонами. И вот § 16 *lex Manciana* устанавливает обязательство колонов «предоставить владельцам или кондукторам, или виликам этого имения»

на каждого взрослого человека по два рабочих дня во время пахоты и жатвы.

Но эта обработка земли, находящейся в непосредственном распоряжении «владельца, кондуктора или вилика», основана на добровольном согласии колона, который выступает в *lex Manciana* как равноправная сторона и отнюдь не привязан к земле. Напротив, *lex* считает нужным оговорить право владельца в известных случаях отнять землю у колона: § 14 говорит о том, что если колон по какой-либо причине перестал возделывать свой участок, кондуктор или вилик должен предупредить его, что если он в течение двух лет не возобновит возделывания участка, то лишится прав на него. В случае формального, при свидетелях, отказа со стороны колона кондуктор или вилик отдает участок другому колону, и прежний арендатор уже не вправе заявлять претензии по этому поводу. Здесь, следовательно, обладание участком рассматривается как преимущество, которого колон лишается за нарушение своих обязательств. Таким образом, обязательная работа на пашне владельца имения могла быть лишь одним из условий частного соглашения, вроде, например, того, когда хозяин обязывается принять от колона определенное количество хлеба по определенной цене (*Dig.*, XIX, 2, 19, 3). О барщине здесь нет речи.

Несколько иной характер носит постановление Коммода по жалобе колонов *Saltus Burunnitanus*¹. Здесь мы видим установленную обычаем и зафиксированную в уставах прокураторов обязательную отработку на господской земле. В своей жалобе колоны пишут: «Как предусмотрено статьей Адрианова закона, пусть отнято будет даже у прокураторов, не говоря уже о кондукторах, право увеличивать доли отчисления с земли, трудовую и гужевую повинность; пусть мы, как это сказано в письмах прокураторов, находящихся в твоём архиве Карфагенской области, должны будем ежегодно не более двух дней при пахоте, двух при севе, двух при уборке и чтобы так было без всякого спора, поскольку это зафиксировано на медной доске и установлено всеми как общее правило в отношении наших соседей в качестве постоянного порядка до настоящего времени и подтверждено вышеназванными письмами прокураторов». Счастливая находка надписи в Айн-Весселе в 1892 г. знакомит нас с постановлением закона Адриана *de rudibus agris*, на которое, по видимому, ссылаются жалобщики. Здесь устанавливаются нормы и порядок натуральных отчислений фиску или кондуктору, об *oregae* здесь нет речи. Эти *oregae*, по видимому, были установлены в тех «письмах прокураторов», на которые ссылаются колоны и прототип которых мы имеем в *lex Manciana*. Но и в *Saltus Burunnitanus* работа колона на хозяина представляет собою в сущности один из способов оплаты арендной стоимости участка, так же как и отчисления натурой. Пользуясь привилегированным положением дальнего императорского имения, не подлежащего контролю местного муниципального управления, кондукторы притесняли колонов, творили над ними насилия, требовали большей арендной платы натурой — продуктами урожая и трудом. Только на эти насилия и жалуются колоны. Обязательные *oregae* не связаны здесь с каким-либо поражением в политических правах; колоны прямо пишут, что среди них есть *cives romani*.

Oregae колонов были, таким образом (там, где они практиковались), своего рода натуральной оплатой участка, обусловленной договором или обычаем. По мере падения хозяйства латифундий и их разбивки на пар-

¹ Текст африканских надписей см. А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства, М., 1933, №№ 151—153.

целлы значение этих *oregae* для землевладельца становилось все меньше. Другое дело, что эксплуатация колонов усиливалась с развитием колонатных отношений. В IV—V вв. колоны, особенно *partiarii*, даже работая на своем участке, работали на хозяина. Они «...были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта»¹. Надо поэтому признать, что не случайно мы в юридических памятниках не встречаем упоминания об *oregae* колонов. Барщинные повинности впоследствии возникли не из *oregae*, о которых говорят африканские надписи; они «...имели своим прообразом римские «ангарии», принудительные работы для государства, с другой стороны — повинности членов германской марки по сооружению мостов, дорог и для других общих целей»².

Юридические памятники не сохранили нам прямых сведений о той классовой борьбе, при которой возникали колонатные отношения. Но, конечно, совершенно нелепо маниловское утверждение Фюстель де Куланжа, что колонат был выгоден для обеих сторон и потому его развитие протекало в форме некоей сельской идиллии. При всей недостаточности юридических текстов, дошедших до нас, кое-какие отголоски классовой борьбы все же можно найти и здесь. Мы видим в ряде документов упоминания о «беглых» колонах. Мы имеем даже специальную рубрику *de fugitivis colonis, inquilinis et servis* (СTh, V, 17; СI, XI, 64). Понятие «беглый колон» не ново. Мы знаем по папирусным документам, что «бегство крестьян», ἀναχωρησις было одним из приемов борьбы колонов против чрезмерной эксплуатации их владельцами имений и правительственными чиновниками. В римскую эпоху в Египте ἀναχωρησις не прекращались. Эдикт префекта М. Семпрония Либералия 154 г. (BGU, II, 372) говорит о том, что «некоторые из-за происшедшей смуты покинули родной дом» и «бродят на чужбине без очага и без пристанища», «в страхе пред совершившимися проскрипциями». Семпроний обещает амнистию тем, кто в трехмесячный срок возвратится в свое село и примется за работу.

В другом папирусе (BGU, 159) от 216 г. имеется ссылка на аналогичный эдикт префекта Валерия Дата. За год до того Каракалла сам издал декрет о возвращении на родину всех ушедших из своих родных мест. Ссылка декрета на предстоящую ἀπογραφή ничего не говорит о причинах бегства, а причины были общеполитического характера. Даже Ростовцев, особенно напевающий в таких случаях на роль принципа ἰδία, признает, что основной причиной указа Каракаллы были «политические беспорядки и желание выслать из Александрии многих зачинщиков беспорядков» («Studien...», стр. 211). Я полагаю, что с указом Каракаллы можно поставить в связь интересное сообщение Каллистрата (Dig. I, 19, 3), относящееся к тому же времени: «Кураторы цезаря не обладают правом высылки, так как им не принадлежит право налагать такого рода наказания. 1. Если, однако, они запретили (кому-либо) доступ в имение цезаря как смутьяну (*tumultuosum*) и действующему незаконно (*iniuriosum*) в отношении колонов, тому придется воздержаться, как об этом сказано в рескрипте божественного Пия к Юлию. 2. Затем и они не могут разрешать (высланному) вернуться, и об этом дали рескрипт наши императоры Север и Антонин на записку Гермия». Здесь, очевидно, речь идет о политических агитаторах, сеющих «смуту» среди колонов. Для борьбы с такими «злоумышленниками» кураторам разрешается превысить свои полномочия. В частности, о «смуте» в *Saltus Burunnitanus*

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., 1950, стр. 154.

² Там же, стр. 160.

мы узнаем из упомянутой нами надписи колсонов этого имени. Мы узнаем, что прокуратор нашел необходимым «послать солдат в Буруннитанское поместье схватить и пытаться некоторых из нас, других заключить в тюрьму и даже некоторых римских граждан приказал избить розгами и дубинами». Тот факт, что колонны сумели послать из далекой Африки жалобу самому императору и добиться благоприятной для них резолюции Коммода, свидетельствует об организованности колоннов и их настойчивости.

Уход колоннов и других зависимых крестьян из родных мест был массовым явлением. В папирусах BGU 902—903 (168/169 г.) и в Papy. Fröhner¹ речь идет о массовом запустении сел в результате *αναχωρήσεις*. В одном случае говорится, что «раньше было в селе людей 85, теперь (число их) уменьшилось до 10 всего, и из них 8 человек ушло». В другом папирусе речь идет о ряде сел, которые «раньше были многолюдны, ныне же... от большого числа остались немногие». Papy. Fröhner помечен № 30 — очевидно, аналогичные документы от *χωρογραμματεῖς* поступали десятками. О том же говорят столь часто повторяющиеся в кодексах декреты о беглых рабах и колонах.

Конечно, очень немногие колонны могли рассчитывать найти убежище и заработок в городе или клочок земли у крупного землевладельца, который в силу своего высокого положения мог не считаться с законами и смотреть сквозь пальцы на происхождение нужного ему колона. В большинстве же колонны пополняли ряды мятежников, которых источники обыкновенно именуют «разбойниками».

Не требуется особых усилий, чтоб расшифровать официальный термин «разбой». Уже одни размеры движения, деятельность и упорство, с которыми «разбойники» противостояли целым правительственным армиям, говорят об истинном характере движения. Геродиан (I, 10) сообщает о некоем Матерне, который в царствование Коммода собрал большой отряд «злодеев», «так что они получили значение уже не разбойников, а военных неприятелей. Они нападали на крупнейшие города, силой открывали темницы, отпускали на волю заключенных в них независимо от вины и обещанием безнаказанности и благодеяниями вовлекали их в свои ряды (*μάχην*)». Они захватили лучшие города кельтиберов, Коммод вынужден был выставить против них целое войско, но «разбойники» укрылись в непроходимых местах. Часть их вынырнула затем в Италию, где Матерн организовал неудавшееся покушение на Коммода.

О другом предводителе «разбойников», по имени Булла, Кассий Дион рассказывает (LXX, VI, 10), что он в течение двух лет (204—206) оперировал в Италии, несмотря на присутствие императоров и сильной армии. В биографии Галлиена сообщается, что «в Сицилии происходила как бы некая рабская война и развернулись разбойники, которые с трудом были подавлены» (SHA, Gall., 4, 9).

Поэтому кодексы устанавливают суровые наказания за укрывательства «разбойников» и недонесение (напр. CTh, IX, 29, 2 от 383 г.). Но мы имеем и прямой указ против мятежников, грозящий тягчайшим наказанием тому, кто агитирует среди плебса против государственного строя (*publicam disciplinam*, CTh, XI, 33, 1). И в CI мы имеем рубрику *de seditionis et de his qui plebem audent contra publicam quietem colligere* (IX, 30).

Интересен декрет CTh, IX, 30, 1 (364 г.): «За исключением сенаторов и высших должностных лиц (*honorati*), местных администраторов, ветеранов, прочим запрещается в Пиценуме, на Фламиниевой дороге, а также

¹ А. Ранович, ук. соч., №№ 14—16.

в Калабрии и Апулии, в Бруттиуме и Самниуме иметь коня или кобылу». За нарушение декрета устанавливается наказание, как «за насильственный угон скота». Смысл этого закона и странной санкции выясняется из другого декрета, изданного в том же году и адресованного консулу Кампаньи: «Чтобы пресечь и ослабить все попытки разбойников, мы запрещаем пастухам наших имений, т. е. сторожам шерстоносных овец и скота, а также прокураторам и актерам сенаторов держать лошадей. При этом мы определяем, что нарушители постановления нашей кротости будут подвергнуты наказанию как грабители (*abactores*)». Следующий за этим декретом (CTh, IX, 30, 2) декрет от 21 июня 365 г. (CTh, IX, 30, 3) опять-таки мотивирует запрещение держать лошадей желанием «охранить городские районы от всякого преступления и оградить от постоянных грабежей угонщиков скота». Повидимому, запрещение по всей Италии лицам непривилегированного положения держать лошадей было вызвано опасением, что лошади могут служить средством для организации мятежа. Следовательно, «разбойники» уже очень дожимали господ, если правительство пошло на такую крайнюю меру. Под давлением подпало во всей Италии в сущности все трудовое население, особенно пастухи, за которыми трудно было осуществлять постоянный надзор. С этими указами интересно сопоставить указ 409 г. (CTh, IX, 31, 1): «Пусть никто из куриалов, плебеев или посессоров не отдает своих сыновей на воспитание пастухам. Другим крестьянам отдавать на воспитание, как это практикуется, мы не возбраняем. А если после опубликования этого закона кто-нибудь отдаст пастухам на воспитание, он тем самым признает, что состоит в сообщничестве с разбойниками».

Для борьбы с революционным движением масс императорская власть утверждала во всей империи специальные военные посты (*stationes*). В одной надписи (*Inscr. Helv.*, 119) засвидетельствована даже специальная должность *praefectus arcendis latrocinii*. Роль усмирителей исполняли, повидимому, также «миротворцы» — *irenarchai*; но *irenarchai* со своей задачей не справились и явились, напротив, источником смут. Во всяком случае Гонорий и Феодосий в 409 г. издали гневный указ против них (CTh, XII, 14, 1): «Пусть в корне будет уничтожено звание иренархов, которые, притворяясь защитниками мира и спокойствия, не позволяют установиться согласию в каждой провинции. Итак, пусть исчезнет этот гибельный для государства род людей». Эти и им подобные материалы свидетельствуют о непрекращающемся революционном брожении среди податного населения и рабов. Некоторые декреты в защиту колонов вызваны были, надо полагать, страхом перед мятежом. Такими соображениями продиктован, например, указ Грациана, Валентиниана и Феодосия (383 г.): «До нашего сведения дошло, что некоторые лица, получившие патримониальные имения, выселяют оттуда исконных колонов и на их место сажаяют собственных рабов или других колонов. Поэтому мы настоящим эдиктом устанавливаем, что кто впредь попытается сделать что-либо подобное, те будут лишены этих владений» (CTh, V, 14, 3).

Мы имеем, таким образом, основание считать, что *fugitivi coloni* в кодексах это — колоны, примыкавшие к восстаниям рабов или «уходившие в разбой». Намеки на характер настроений колонов мы имеем в императорских указах против донатистов. В V в. движение донатистов было подавлено, но оно продолжало пользоваться симпатиями рабов и колонов. Указ 412 г., устанавливая штраф за принадлежность к ереси донатистов, предлагает в отношении колонов предпринять более строгие меры и вернуть их на лоно церкви посредством усиленной порки (*verberum scabrior ictus*, CTh, XVI, 5, 52). Через 2 года новый указ требует применения строжайших мер коерции к рабам и колонам, ввавшим в ересь донатистов:

«если колонны, подвергнутые порке, упорствуют в своих убеждениях, они подлежат штрафу в размере третьей части пекулия» (CTh, XVI, 5, 54). В данном случае *privilegium odiosum* колонов объясняется в известной степени их принижением социальным положением. Но гораздо большее значение имела роль колонов и рабов в движении донатистов. Об этом имеется интересное сообщение у Оптата (*de schism. Don.*, III, 4, 1): «Когда такого рода люди... бродили по отдельным местам... никто не мог чувствовать себя в безопасности в своих владениях. Расписки должников потеряли силу: в то время ни один кредитор не был свободен взыскивать долги. Всех терроризировали письма тех, кто гордо себя называл «вождями святых», а если кто медлил выполнять их приказание, внезапно налетала безумная толпа, и надвигающийся террор окружал кредиторов опасностями. В результате те, которых следовало просить о снисхождении, в смертельном страхе сами должны были униженно просить. Каждый спешил аннулировать даже очень крупные долги, и уже одно то считалось выигрышем, если удавалось спастись от их насилий. Также и дороги не могли быть вполне безопасны, так как господ выбрасывали из экипажей, и они должны были бежать впереди своих рабов, усевшихся на места господ. По их решению и приказу рабы и господа менялись положениями».

Таким образом, и по тем случайным туманным указаниям, какие просочились в юридические памятники, образование колоната в его последней стадии отнюдь не было мирным процессом. Внедрение нового рода эксплуатации трудящихся за счет и взамен рабства происходило в условиях ожесточенной классовой борьбы. Но та выборка законодательных актов, которую сделали византийские юристы, почти не отражает важнейших политических событий, приведших к падению Римской империи и к ликвидации рабовладельческого строя. Сведений об этом надо искать в других источниках.

Тем не менее изучение юридических памятников позволяет сделать ряд предварительных выводов о происхождении колоната. Основные предпосылки для создания института зависимых земельных арендаторов были налицо уже в начале империи. Уже в то время «античное рабство пережило себя», и превращение безземельного крестьянства в зависимых колонов было следствием того положения, что в то время рабство «уже не могло», а свободный труд «еще не мог сделаться основной формой общественного производства»¹. Но хотя элементы нового института возникают и развиваются уже в I—II вв. и прорываются временами даже в тенденциозном толковании римского права авторами Дигест, — свое окончательное оформление и официальное признание колонат получает лишь после кризиса III в. и реформ Диоклетиана — Константина. С IV в. колонат становится предметом внимания императорской власти, использующей этот институт в интересах фиска, для расширения земельной площади под посевами, для своей политики в отношении все возрастающего могущества крупных землевладельцев.

Приписывание колонов к цензу владельца (*adscriptio*), распространение на них принципа *origo* (*ius originarium*) были не источником, а следствием развития колонатных отношений. То же относится и к поселениям варваров на территории империи. Если военнопленных обрабщали не в рабов, а в колонов, то это было результатом банкротства рабского хозяйства, а не его причиной. Колонат не был также институтом, заимствованным с Востока (как думает Ростовцев); напротив, документы

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., 1950, стр. 154—155.

показывают, что колонат был введен в некоторых странах Востока путем законодательного распоряжения римского правительства. Юридические памятники свидетельствуют о неравномерности развития колонатных отношений в империи.

Далее, хотя мы имеем сведения о работах колона на хозяина, но они не имели характера обязательной барщины, были явлением сравнительно редким и не получили законодательной санкции.

Законодательные памятники, хоть и очень смутно и неполно, отражают ожесточенную классовую борьбу того времени.

Давая достаточно материала о правовом положении колонов и об исторических фазах превращения свободного мелкого земледельца в предшественника средневековых крепостных, юридические памятники позволяют делать, главным образом, лишь отрицательные выводы и почти ничего не дают для суждения об экономических причинах происхождения колоната. Для ясного понимания этого явления необходимо проследить на конкретном историческом материале процесс развития колонатных отношений в общей связи с разложением рабовладельческого способа производства; необходимо учесть «всеобщее обнищание, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового владычества»¹. Особенно важно указание Энгельса, что низкая степень развития как земледелия, так и промышленности и утрата городом господства над деревней «...с необходимостью порождает крупных землевладельцев, обладающих властью, и зависимых мелких крестьян»². Этот процесс наметился уже в первые века империи, и одним из его выражений и был колонат. Но для изучения этого процесса надо искать материал прежде всего вне официальных юридических документов.

